

Царь с царицею простился,
В путь-дорогу снарядился,
И царица у окна Села ждать его одна.
Ждет-пождет с утра до ночи,
Смотрит в поле, инда очи
Разболелись гляючи
С белой зори до ночи;
Не видать милого друга!
Только видит: вьется вьюга,
Снег валится на поля,
Вся белешенька земля.
Девять месяцев проходит,
С поля глаз она не сводит.
Вот в сочельник в самый, в ночь
Бог дает царице дочь.
Рано утром гость желанный,
День и ночь так долго жданный,
Издавеча наконец Воротился царь-отец.
На него она взглянула,
Тяжелешенько вздохнула,
Восхищенья не снесла,
И к обедне умерла.
Долго царь был неутешен,
Но как быть? и он был грешен;
Год прошел как сон пустой,
Царь женился на другой.
Правду молвить, молодлица
Уж и впрямь была царица:
Высока, стройна, бела,
И умом и всем взяла;
Но зато горда, ломлива,
Своенравна и ревнива.
Ей в приданое дано
Было зеркальце одно;
Свойство зеркальце имело:
Говорить оно умело.

С ним одним она была
Добродушна, весела,
С ним приветливо шутила
И красуясь говорила:
"Свет мой, зеркальце! скажи,
Да всю правду доложи:
Я ль на свете всех милее,
Всех румяней и белее?"
И ей зеркальце в ответ:
"Ты, конечно, спору нет;
Ты, царица, всех милее,
Всех румяней и белее".
И царица хохотать,
И плечами пожимать,
И подмигивать глазами,
И прищелкивать перстами,
И вертеться подбочась,
Гордо в зеркальце глядясь.
Но царевна молодая,
Тихомолком расцветая,
Между тем росла, росла,
Поднялась - и расцвела,
Белолица, черноброва,
Нраву кроткого такого.
И жених сыскался ей,
Королевич Елисей.
Сват приехал, царь дал слово,
А приданое готово:
Семь торговых городов,
Да сто сорок теремов.
На девичник собираясь,
Вот царица наряжаясь
Перед зеркальцем своим,
Перемолвилась с ним:
"Я ль, скажи мне, всех милее,
Всех румяней и белее?"
Что же зеркальце в ответ?
"Ты прекрасна, спору нет;
Но царевна всех милее,
Всех румяней и белее".
Как царица отпрыгнет,
Да как ручку замахнет,
Да по зеркальцу как хлопнет,
Каблучком-то как притопнет!...
"Ах ты, мерзкое стекло!
Это врешь ты мне на зло.
Как тягаться ей со мною?
Я в ней дурь-то успокою.
Вишь какая подросла!
И не диво, что бела:
- Мать брюхатая сидела,
Да на снег лишь и глядела!"

Но скажи: как можно ей
Быть во всем меня милей?
Признавайся: всех я краше.
Обойди всё царство наше,
Хоть весь мир; мне ровной нет.
Так ли?" Зеркальце в ответ:
"А царевна всё ж милее,
Всё ж румяней и белее".
Делать нечего.
Она, Черной зависти полна,
Бросив зеркальце под лавку,
Позвала к себе Чернавку,
И наказывает ей,
Сенной девушке своей,
Весть царевну в глушь лесную
И, связав ее, живую
Под сосной оставить там
На съедение волкам.
Черт ли сладит с бабой гневной?
Спорить нечего.
С царевной Вот Чернавка в лес пошла
И в такую даль свела,
Что царевна догадалась,
И до смерти испугалась,
И взмолилась:
"Жизнь моя!
В чем, скажи, виновна я?
Не губи меня, девица!
А как буду я царица,
Я пожалую тебя".
Та, в душе ее любя,
Не убила, не связала,
Отпустила и сказала:
"Не кручинься, бог с тобой."
А сама пришла домой.
"Что? - сказала ей царица,
- Где красавица-девица?"
- "Там, в лесу, стоит одна,
- Отвечает ей она. - Крепко связаны ей локти;
Попадется зверю в когти,
Меньше будет ей терпеть,
Легче будет умереть".
И молва трезвонить стала:
Дочка царская пропала!
Тужит бедный царь по ней,
Королевич Елисей,
Помолясь усердно богу,
Отправляется в дорогу
За красавицей-душой,
За невестой молодой.
Но невеста молодая,
До зари в лесу блуждая,

Между тем всё шла да шла
И на терем набрела.
Ей на встречу пес, залая,
Прибежал и смолк, играя.
В ворота вошла она
- На подворье тишина.
Лес бежит за ней, ласкаясь,
А царевна, подбираясь,
Поднялася на крыльцо
И взялася за кольцо;
Дверь тихонько отворилась,
И царевна очутилась
В светлой горнице;
кругом Лавки, крытые ковром,
Под святыми стол дубовый,
Печь с лежанкой изразцовой.
Видит девица, что тут
Люди добрые живут;
Знать, не будет ей обидно! -
Никого меж тем не видно.
Дом царевна обошла,
Всё порядком убрала,
Засветила богу свечку,
Затопила жарко печку,
На полати взобралась
И тихонько улеглась.
Час обеда приближался,
Топот по двору раздался:
Входят семь богатырей,
Семь румяных усачей.
Старший молвил: "Что за диво!
Всё так чисто и красиво.
Кто-то терем прибирал,
Да хозяев подждал.
Кто же? Выдь и покажися,
С нами честно подружися.
Коль ты старый человек,
Дядей будешь нам навек.
Коли парень ты румяный,
Братец будешь нам названный.
Коль старушка, будь нам мать,
Так и станем величать.
Коли красная девица,
Будь нам милая сестрица".
И царевна к ним сошла,
Честь хозяям отдала,
В пояс низко поклонилась;
Закрасневшись, извинилась,
Что-де в гости к ним зашла,
Хоть звана и не была.
Вмиг по речи те спознали,
Что царевну принимали;

Усадили в уголок,
Подносили пирожок;
Рюмку полну наливали,
На подносе подавали.
От зеленого вина Отрекалася она;
Пирожок лишь разломила,
Да кусочек прикусила,
И с дороги отдыхать
Отпросилась на кровать.
Отвели они девицу
Вверх во светлую светлицу,
И оставили одну
Отходящую ко сну.
День за днем идет, мелькая,
А царевна молодая
Всё в лесу; не скучно ей
У семи богатырей.
Перед утренней зарею
Братья дружною толпою
Выезжают погулять,
Серых уток пострелять,
Руку правую потешить,
Сорочина в поле спешить,
Иль башку с широких плеч
У татарина отсечь,
Или вытравить из леса
Пятигорского черкеса.
А хозяйюшкой она
В терему меж тем одна
Приберет и приготовит.
Им она не прекословит,
Не перечут ей они.
Так идут за днями дни.
Братья милую девицу Полюбили.
К ней в светлицу Раз, лишь только рассвело,
Всех их семеро вошло.
Старший молвил ей:
"Девица, Знаешь: всем ты нам сестрица,
Всех нас семеро, тебя
Все мы любим, за себя Взять тебя мы все бы ради,
Да нельзя, так бога ради,
Помири нас какнибудь:
Одному женою будь,
Прочим ласковой сestroю.
Что ж качаешь головою?
Аль отказываешь нам?
Аль товар не по купцам?"
"Ой вы, молодцы честные,
Братцы вы мои родные, -
Им царевна говорит: -
Коли лгу, пусть бог велит
Не сойти живой мне с места.

Как мне быть? ведь я невеста.
Для меня вы все равны,
Все удалы, все умны,
Всех я вас люблю сердечно;
Но другому я навечно Отдана.
Мне всех милей Королевич Елисей".
Братья молча постояли,
Да в затылке почесали.
"Спрос не грех.
Прости ты нас,
Старший молвил поклонясь:
Коли так, не заикнуса Уж о том". -
"Я не сержуся, - Тихо молвила она: -
И отказ мой не вина".
Женихи ей поклонились,
Потихоньку удалились,
И согласно все опять
Стали жить да поживать.
Между тем царица злая,
Про царевну вспоминая,
Не могла простить ее,
А на зеркальце свое
Долго дулась и сердилась;
Наконец об нем хватилась
И пошла за ним, и сев
Перед ним, забыла гнев,
Красоваться снова стала
И с улыбкою сказала:
"Здравствуй, зеркальце! скажи,
Да всю правду доложи:
Я ль на свете всех милее,
Всех румяней и белее?"
И ей зеркальце в ответ:
"Ты прекрасна, спору нет;
Но живет без всякой славы,
Средь зеленыя дубравы,
У семи богатырей
Та, что всё ж тебя милей".
И царица налетела На Чернавку:
"Как ты смела Обмануть меня? и в чем!...
" Та призналася во всем:
Так и так. Царица злая,
Ей рогаткой угрожая,
Положила иль не жить,
Иль царевну погубить.
Раз царевна молодая,
Милых братьев поджидая,
Пряла, сидя под окном.
Вдруг сердито под крыльцом
Пес залаял, и девица
Видит: нищая черница
Ходит по двору, клюкой

Отгоняя пса.
"Постой, Бабушка, постой немножко, -
Ей кричит она в окошко:
Пригрожу сама я псу
И кой-что тебе снесу".
Отвечает ей черница:
"Ох ты, дитяtko девица!
Пес проклятый одолел,
Чуть до смерти не заел.
Посмотри, как он хлопочет!
Выдь ко мне". -
Царевна хочет Выдти к ней и хлеб взяла,
Но с крылечка лишь сошла,
Пес ей под ноги - и лает,
И к старухе не пускает;
Лишь пойдет старуха к ней,
Он, лесного зверя злей,
На старуху. "Что за чудо?
Видно, выпался он худо, -
Ей царевна говорит: -
На ж, лови!" - и хлеб летит.
Старушонка хлеб поймала;
"Благодарствую, - сказала, -
Бог тебя благослови;
Вот за то тебе, лови!"
И к царевне наливное,
Молодое, золотое,
Прямо яблочко летит....
Пес как прыгнет, завизжит.....
Но царевна в обе руки
Хвать - поймала.
"Ради скуки
Кушай яблочко, мой свет -
Благодарствуй за обед...." -
Старушоночка сказала,
Поклонилась и пропала...
И с царевной на крыльцо
Пес бежит и ей в лицо
Жалко смотрит, грозно воеет
Словно сердце песье ноет,
Словно хочет ей сказать:
Брось! - Она его ласкать,
Треплет нежною рукою;
"Что, Соколко, что с тобою?
Ляг!" - и в комнату вошла,
Дверь тихонько заперла,
Под окно за пряжу села
Ждать хозяев, а глядела Всё на яблоко.
Оно Соку спелого полно,
Так свежо и так душисто,
Так румяно-золотисто,
Будто медом налилось!

Видны семечки на сквозь...
Подождать она хотела
До обеда; не стерпела,
В руки яблочко взяла,
К алым губкам поднесла,
Потихоньку прокусила,
И кусочек проглотила....
Вдруг она, моя душа,
Пошатнулась не дыша,
Белы руки опустила,
Плод румяный уронила,
Закатилися глаза,
И она под образа
Головой на лавку пала
И тиха, недвижна стала...
Братья в ту пору домой
Возвращались толпой
С молодецкого разбоя,
Им на встречу, грозно воя,
Пес бежит и ко двору
Путь им кажет. "Не к добру! -
Братья молвили: -
печали Не минуем".
Прискакали, Входят - ахнули.
Вбежав, Пес на яблоко стремглав
С лаем кинулся, озлился,
Проглотил его, свалился
И издох. Напоено
Было ядом знать оно.
Перед мертвою царевной
Братья в горести душевной
Все поникли головой,
И с молитвою святой
С лавки подняли, одели,
Хоронить ее хотели
И раздумали. Она,
Как под крылышком у сна,
Так тиха, свежа лежала,
Что лишь только не дышала.
Ждали три дня, но она
Не восстала ото сна.
Сотворив обряд печальный,
Вот они во гроб хрустальный
Труп царевны молодой Положили -
и толпой Понесли в пустую гору,
И в полуночную пору
Гроб ее к шести столбам
На цепях чугунных там
Осторожно привинтили
И решеткой оградили -
И, пред мертвою сестрой
Сотворив поклон земной,

Старший молвил:
"Спи во гробе;
Вдруг погасла, жертвой злобе,
На земле твоя краса;
Дух твой примут небеса.
Нами ты была любима
И для милого хранима -
Не досталась никому,
Только гробу одному".
В тот же день царица злая,
Доброй вести ожидая,
Втайне зеркальце взяла
И вопрос свой задала:
"Я ль, скажи мне, всех
Всех румяней и белее?"
И услышала в ответ;
"Ты, царица, спору нет,
Ты на свете всех милее
Всех румяней и белее".
За невестою своей
Королевич Елисей
Между тем по свету скачет.
Нет как нет!
Он горько плачет,
И кого ни спросит он,
Всем вопрос его мудрен;
Кто в глаза ему смеется,
Кто скорее отвернется;
К красну солнцу наконец
Обратился молодец.
"Свет наш солнышко!
Ты ходишь Круглый год по небу,
сводишь Зиму с теплою весной,
Всех нас видишь под собой.
Аль откажешь мне в ответе?
Не видало ль где на свете
Ты царевны молодой?
Я жених ей". -
"Свет ты мой
Красно солнце отвечало: -
Я царевны не видало.
Знать ее в живых уж нет,
Разве месяц, мой сосед,
Где-нибудь ее да встретил
Или след ее заметил".
Темной ночи Елисей
Дождался в тоске своей.
Только месяц показался,
Он за ним с мольбой погнался,
"Месяц, месяц, мой дружок,
Позолоченый рожок!
Ты встаешь во тьме глубокой,

Круглолицый, светлоокой,
И, обычай твой любя,
Звезды смотрят на тебя.
Аль откажешь мне в ответе?
Не видал ли где на свете
Ты царевны молодой?
Я жених ей". -
"Братец мой, Отвечает месяц ясный: -
Не видал я деви красной.
На стороже я стою
Только в очередь мою.
Без меня царевна видно
Пробежала". -
"Как обидно!" -
Королевич отвечал.
Ясный месяц продолжал:
"Погоди; об ней быть может
Ветер знает.
Он поможет.
Ты к нему теперь ступай,
Не печалься же, прощай".
Елисей, не унывая,
К ветру кинулся, взывая:
"Ветер, ветер!
Ты могуч,
Ты гоняешь стаи туч,
Ты волнуешь сине море,
Всюду веешь на просторе,
Не боишься никого,
Кроме бога одного.
Аль откажешь мне в ответе?
Не видал ли где на свете
Ты царевны молодой?
Я жених ее".
- "Постой, - Отвечает ветер буйный:
- Там за речкой тихоструйной
Есть высокая гора,
В ней глубокая нора;
В той норе,
во тьме печальной,
Гроб качается хрустальный
На цепях между столбов.
Не видать ничьих следов
Вкруг того пустого места;
В том гробу твоя невеста".
Ветер дале побегал.
Королевич зарыдал,
И пошел к пустому месту,
На прекрасную невесту
Посмотреть еще хоть раз.
Вот идет; и поднялась
Перед ним гора крутая;

Вкруг нее страна пустая;
Под горою темный вход.
Он туда скорей идет.
Перед ним, во мгле печальной,
Гроб качается хрустальный,
И в хрустальном гробе том
Спит царевна вечным сном.
И о гроб невесты милой
Он ударился всей силой.
Гроб разбился.
Дева вдруг Ожила.
Глядит вокруг Изумленными глазами,
И, качаясь над цепями,
Привздохнув, произнесла:
"Как же долго я спала!"
И встает она из гроба...
Ах!... и зарыдали оба.
В руки он ее берет
И на свет из тьмы несет,
И, беседуя приятно,
В путь пускаются обратно,
И трубит уже молва:
Дочка царская жива!
Дома в ту пору без дела
Злая мачеха сидела
Перед зеркальцем своим
И беседовала с ним,
Говоря: "Я ль всех милее, Всех румяней и белее?"
И услышала в ответ:
"Ты прекрасна, слова нет,
Но царевна всё ж милее,
Всё румяней и белее".
Злая мачеха, вскочив,
Об пол зеркальце разбив,
В двери прямо побежала
И царевну повстречала.
Тут ее тоска взяла,
И царица умерла.
Лишь ее похоронили,
Свадьбу тотчас учинили,
И с невестою своей
Обвенчался Елисей;
И никто с начала мира
Не видал такого пира;
Я там был, мед, пиво пил, Да усы лишь обмочил.